

13 июля 1983

Ценность наших идеалов

Беседа с лауреатом Государственной премии СССР Валентином Распутиным

— Валентин Григорьевич, в последнее время рейгановская пропаганда поднимает жупел «советской угрозы» или чаще «русской угрозы», пытается представить, что агрессивность русских, мол, известна в истории. Вспоминают, например, в связи с этим так называемое «завоевание Сибири Ермаком». Что вы, коренной сибиряк, думаете по этому поводу?

— Вроде бы всерьез отзывать на такие вещи нет смысла. Но... очень настораживает то обстоятельство, что западной пропаганде удается у некоторых людей все-таки посеять веру в эти небывальши.

«Ермак — завоеватель»? Однако давайте действительно вспомним историю. С горсткой отважных храбрецов, согласно Строгановским летописям, Ермак начал свой поход против хана Кучума, к тому времени провозгласившего себя правителем Сибири. Хан нещадно обирал жителей Сибири, собирая дань-ясык с ханты, манси, якутов и многих других народов. И мечтал о возвращении былого величия ордынцев, когда их сабеля боялась вся Европа. Сейчас трудно представить, какое чудо помогло маленькому отряду Ермака сделать этот исторический и легендарный кинжальный прорыв во владения ордынцев, нанесяший сокрушительный удар ханству Кучума.

И все же трудно назвать это завоеванием Сибири. Скорее надо говорить об освоении Сибири крестьянами-землепашцами, шедшими на вольные земли. Это было гигантское, неслыханное освоение целинных земель крестьянами русского Севера, в основном люди шли оттуда, с русского Севера.

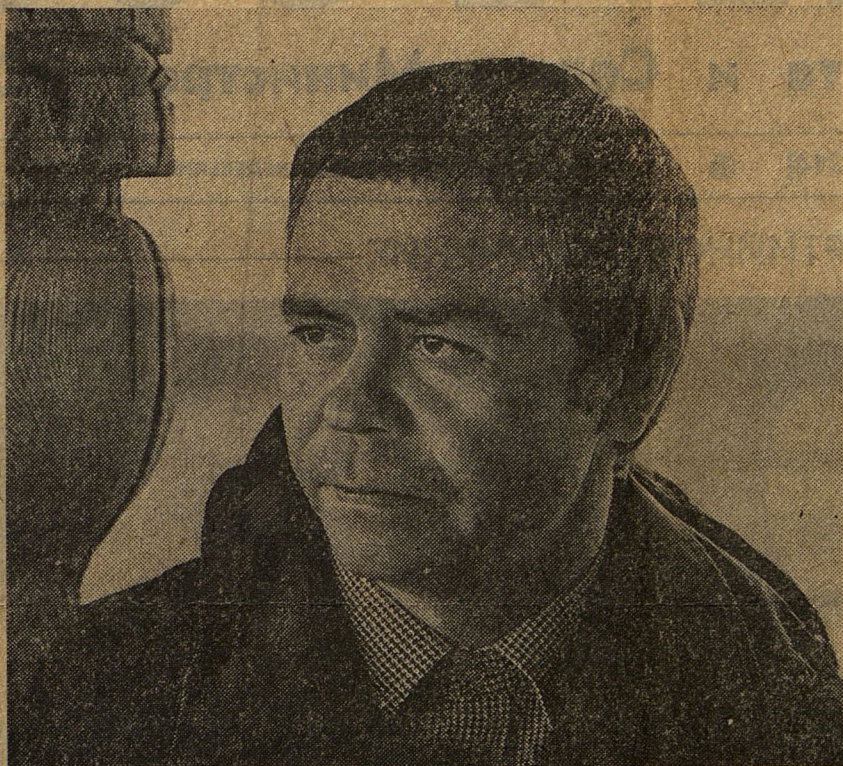
Но вот что удивительно достойно, так это то, что менее чем за полвека русские, тогда без карт, по сказкам, прошли всю Сибирь, все огромные гиблые расстояния и омыли лица тихоокеанской водой. Был еще такое примитивное суждение, что соболь был главным стимулом продвижения по диким таежным территориям. А ведь это не так. Главное — крестьяне почувствовали, что земли-то эти вольные, без барина. И обживали их, работали без устали, чувствуя, что новое место становится родным, близким, русским...

Сибирь имеет свойство не поражать, не удивлять сразу, а втягивать в себя медленно и словно бы нехотя. с выверенной расчетливостью, но, втянув, связывать накрепко. Человек забывает Сибирью. Всюду и долго после этого края человеку тесно, грустно и скорбно, всюду он тягостится мучительной и неопределенной недостаточностью самого себя, точно часть себя он навсегда оставил в Сибири.

Не случайно именно здесь, в Сибири, два столетия подряд искали русские люди таинственное Беловодье, легендарную страну, устроенную, как рай земной, где они могут зажить в полном счастье. Быть может, наши предки и нашли здесь эту легендарную страну. Если приводили сюда из России земляков, начинали строиться и пахать, значит, было в этих местах что-то особенное, не рядовое, что заставляло смотреть на них с благословенной надеждой.

Можно сказать, что не только историей, но и самой судьбой предопределено было, что Сибирь станет русской.

Русский человек за века, проведенные в Сибири, стал сибиряком. И теперь, как о понятии, мы говорим, что есть такой

сибирский характер. Сибирская земля прекрасно хранит в характерах людей традиции и национальные черты.

Так что же это за русский характер? В чем заключается? Может быть, в его исторически сложившемся стремлении создавать? Свободно пахать, сеять, строить дороги, мосты, возводить заводы и новые города? Думаю, что скорее всего именно это стремление моего соотечественника так ненавистно заокеанским господам.

Вспомним историю мировой литературы. Сколько великих мастеров прошлого выступало против кровопролития и войны! Но время шло, а войны становились все страшнее и кровопролитнее. И вот сегодня нам снова грозит войной, но войной, которая может кончиться общечеловеческой катастрофой. Нет ли у вас как у художника ощущения, что голос писателя, выступающего за мир, — это лишь «глас вопиющего в пустыне»?

— Роль литературы не в том, чтобы изменить мир, а в том, чтобы изменить человека. А уже человек, измененный к лучшему, изменит к лучшему и мир. Конечно, в какой-то степени можно сказать, что усилия литературы и искусства в борьбе за мир кажутся минимальными, потому что политики-агрессоры, которые сегодня пытаются изменить ход истории, как правило, художественной литературы не знают. Возможно, и читают ее, но не понимают. Слово до них не доходит.

Но сегодня, когда встал вопрос, быть или не быть миру, только на действие слова рассчитывать уже не приходится. Поэтому, наверное, каждый честный писатель должен непосредственно участвовать в борьбе за мир. Ведь нет сейчас задачи важнее, чем сохранить мир. Сохраним — значит появится перспектива на будущее. Значит, писателю больше, чем когда-либо, нужно обращаться к сфере публицистики, выступать с общественной трибуны.

В прошлом году я ездил в Западную Германию на международный форум «Писатели в борьбе за мир — пределы и возможности» и видел, как немцы борются за мир. Это как раз совпало с визитом Рейгана в Европу. Мы жили в небольшом городке Страдене на границе с Голландией. Маленький благополучный городок, но и там проходили выступления борцов за мир. На небольшой площади — молодежь, самодельные плакаты, надписи, протестующие против политики Рейгана... А потом, в Бонне и Кельне, мы почувствовали еще острее эту тревогу простых немцев за будущее. И мы понимали, что не только журналистика, но и литература в широком смысле подготовила такое массовое движение. Осмыслить его, разорвать до конца — тоже интересное дело. Или движение женщин в Англии. Ведь не просто так, не стихийно оно возникло. И думая об этом, я хочу сказать, что сегодня каждый должен внести свою лепту в борьбу за будущее наших детей.

— Империализм из всех сил пытается заставить нас соревноваться в гонимости. Времени требует от советских людей большей организованности, дисциплины и трудолюбия, и, конечно, тут многое зависит от идейно-нравственного состояния советского человека, его духовного потенциала, который формирует и литература...

— Лучше работать, быть более организованными — к этому нас призывает время. И у нас тут еще очень много резервов. Но это, конечно, не значит, что мы хотим вооружаться. Теперь о нравственности. Часто можно услышать, что вот в пятидесятые, сороковые годы было больше людей прямых, открытых, честных, добросовестных, а теперь мы многое, мол, растеряли. Тут, наверное, надо разделить понятие нравственности, я бы условно это сделал так: есть нравственность по необходимости во время

тяжких всенародных испытаний и нравственность по свободному выбору каждого в добрых условиях жизни и труда. Наверное, все-таки так. Сегодня мы часто рассуждаем о нравственности, и уже началась спекуляция этим понятием. А ведь спекуляция идет всегда от дефицита. Это закон прямой! Но ждать, рассчитывать, что нравственность поднимется по необходимости, лучше не надо, наверное, стоит работать над улучшением нравственности по свободному выбору. Но это не все. Конечно, хорошо, когда люди живут богаче, когда стол обильнее. Но сытость не приводит к высокой нравственности. А с другой стороны, если мы потуже затянем пояс, то вряд ли и это послужит стимулом для подъема нравственности. Нравственность надо поднимать какими-то другими средствами. Надо готовить людей, воспитывать их на определенных духовных ориентирах, постоянных, стабильных. Человек ведь растерял тогда, когда растерял свои идеалы. Надо поднимать ценность идеалов! В последнее время появилась надежда. Лишь бы это не стало кампанией, а было бы постоянной политикой.

Проблемам нравственного воспитания у нас, бесспорно, уделяется немало внимания. Им посвящены и литература, и журналистика. Сколько статей у нас пишется на эту тему! Я бы назвал это не нравственным воспитанием, а нравственной информацией. И это хорошо, конечно, что у нас такая информация обращена к читателям и зрителям. На Западе и такой информации нет. Нет статей на моральные и этические темы. Очень хорошо, что у нас есть такие публикации, поднимаются подобные проблемы, что этим мы отличаемся от западной журналистики. Но нравственное воспитание все-таки — больше задача литературы. И тут огромный долг писателей мира перед читательской аудиторией. Литературе, конечно, нелегко, существует масса разных течений, есть и противоречия между художниками. Да, в наш век литература смыкается с кино, телевидением, театром, но у литературы гораздо больше возможностей, и я считаю, да простят мне работники театра и кино, что в вопросах нравственного воспитания художественным словом за литературой остается первый голос, начальный, отправной, основной. Слово сегодня звучит, может быть, сильнее, чем во времена прошлые.

— Находили ли вы взаимопонимание, встречаясь с зарубежными коллегами и обсуждая с ними насущные вопросы времени, скажем, на том же форуме «Писатели в борьбе за мир — пределы и возможности»?

— Как раз на таких встречах, в официальных беседах понимание и бывает. Непонимание — в частностях, при личном общении. Мы ведь все люди, со своими вкусами, привязанностями и пристрастиями. Но в главном — вместе.

Естественное состояние человека почти везде одинаково, почти везде одинаковы жизненные стремления, запросы. И только опираясь на чаяния простого человека: труда, народные чаяния, выражая их, как это и делает наша партия, можно сохранить мир. По-моему, в этом простая правда, а не в тайне политических пружин «сильных мира сего».

Беседу вел А. ПОРВАТОВ.

Иркутск.

Фото П. Кривонова.